Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго.

(Октябрь 1822 года).

Обширная переписка В. Я. Ломиковскаго съ другомъ его И. Р. Мартосомъ [1]), продолжавшаяся двѣнадцать лѣтъ (1818—1830 г.г.), почти вся посвящена излюбленной ими „мистикѣ"; лишь въ немногихъ письмахъ Л—аго встрѣчаются свѣдѣнія о житейскихъ дѣлахъ. Но въ одномъ изъ своихъ писемъ Л—ій нашелъ нужнымъ познакомить М—са со всѣми подробностями той хозяйской сутолоки, въ которую онъ былъ погруженъ, живя въ селѣ въ качествѣ „хлѣбопашца". Въ этомъ письмѣ Л—ій сообщаетъ М—су свой дневникъ за 22 дня октября 1822 г., при чемъ запись посвящена главнымъ образомъ сосѣду Л—аго, экс-министру Трощинскому. Мы уже знаемъ, что Л—ій былъ—миргородскій помѣщикъ, устроившій себѣ около дѣдовскаго села Шафоростовки, хуторъ, названный имъ *Паркъ-Трудолюбъ* [2]). Въ этомъ хуторѣ Л—ій и жилъ, занимаясь „хозяйствомъ и древностями". А верстахъ въ въ 8-ми отъ Парка-Трудолюба, въ с. Кибинцахъ, поселился въ 1822 г. бывшій министръ юстиціи Дм. Пр. Трощинскій, послѣ вторичной своей отставки [3]). Трощинскій очень полюбилъ Л—аго и въ деревенскомъ своемъ уединеніи очень цѣнилъ бесѣду образованнаго и живаго парко-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 10.

[2]) См. Предисловіе къ Словарю Малорусской Старины. Кіевск. Стар. 1894 г., томъ 46-й.

[3]) См. Русск. Старина 1882 г., іюнь, стр. 655 и слѣд.

трудолюбскаго хозяина, который, въ свою очередь, и почтительно, и пріязненно относился къ „вельможному своему сосѣду“.

Несмотря на краткость печатаемаго здѣсь отрывка, мы въ немъ находимъ любопытныя черты изъ общественнаго быта глухихъ уголковъ Малороссіи первой четверти настоящаго столѣтія. Изъ этого же отрывка знакомимся ближе и съ самимъ Л—имъ, наблюдательность и писательская способность котораго показываютъ, что это былъ человѣкъ выдѣлявшійся изъ современнаго ему общества. Въ другомъ мѣстѣ мы намѣрены обрисовать личность Л—аго подробнѣе, а здѣсь лишь пожалѣемъ, что, подчинившись вліянію Мартоса, послѣ случайной съ нимъ встрѣчи у Трощинскаго, въ Кибинцахъ, Л—ій забылъ любимыя имъ прежде „древности“ и погрузился въ „мистику“. Изъ бумагъ Л—аго не видно, чтобы онъ имѣлъ обыкновеніе вести дневникъ. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ явился, повидимому, случайно, изъ одного желанія, „обратясь мыслей теплою къ благодѣтелю“, развлечь этого благодѣтеля подробнымъ разсказомъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Засимъ, приводимъ письмо съ дневникомъ, опустивъ изъ перваго—мѣста, касающіяся мистическихъ писаній Мартоса.

А. Л.

„На утренней зарѣ и въ сумеркахъ вечернихъ, совѣсть тихо шепчетъ мнѣ: и чтобы значило, что ты коснишъ писаніемъ къ истинному благодѣтелю своему?—Или жизнь разсѣянная заглушила въ тебѣ чувства признанія?—Совѣсть шепчетъ мнѣ и велитъ очнуться отъ забвенія постыднаго. Черными чернилами выражаю вину свою, и кровь багровая зардѣлась на щекахъ моихъ и—возговорило сердце мысленно: выдыбай душа изъ пучины суеты младенческой, пробѣги скорѣе чрезъ дремучій лѣсъ въ поле ровное, обсушися тамъ и согрѣй себя противъ солнца, солнца свѣтлаго, обратися мыслей теплой къ благодѣтелю.

Мнѣ очень пріятно было видѣть въ письмѣ вашемъ отъ 20 сентября изъявленіе удовольствія за книги ваши, одѣтыя въ

мастерскіе переплеты; теперь обстоятельства улучшились и впередъ можно будетъ безъ отлагательства переплетать и безъ замедленія доставлять книги, когда встрѣтится вамъ надобность [1]).

„Я не удивляюсь тому, что благодѣтельный вельможа *изъяснился мудрено* (какъ вы пишите), а можетъ быть и хладнокровно о извѣстныхъ вамъ твореніяхъ [2]). Доложу вамъ, что я

---

[1]) И. Р. Мартосъ присылалъ свои книги изъ Кіева, для переплета въ Кибинцы, гдѣ у Трощинскаго былъ очень хорошій переплетчикъ. Какъ извѣстно, Тр—ій былъ большой библіофилъ и, собирая извѣстную свою библіотеку, старательно „одѣвалъ“ книги въ сплошную *телячью* кожу; переплеты эти сохраняютъ свое солидное щегольство еще и теперь. Послѣ смерти Д. П. Тр—аго библіотека его перевезена была племянникомъ изъ Кибинецъ въ м. Кагарлыкъ (кіевск. губ.) и отсюда была куплена, лѣтъ двадцать назадъ, кіевскимъ книгопродавцемъ Федоровымъ, для розничной распродажи. Въ это время и намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько книгъ изъ этой библіотеки; всѣ онѣ мастерски переплетены въ сплошную кожу, при чемъ на спинкахъ, кромѣ заглавій, на всѣхъ книгахъ имѣются иниціалы бывшаго хозяина ихъ—Д. Т. Распродавъ болѣе цѣнныя изъ этой б-ки книги, Федоровъ остальныя недавно подарилъ въ кіевскую публичную б—ку, которая такимъ образомъ пріобрѣла очень много рѣдкихъ старинныхъ журналовъ.—Кибинскіе переплеты цѣнились недешево; въ одномъ письмѣ Л—ій, извѣщая М—са, что книги его уже переплетены, пишетъ: „относительно же цѣны, то вотъ и щотъ: 1) два сафьянныхъ переплета—10 руб. да еще 33 переплета французскихъ, каждый по три рубля, всего 109 рублей“. Матеріалы для переплета Тр—ій, живя въ Кибинцахъ, выписывалъ изъ Петербурга.

[2]) Повидимому, И. Р. Мартосъ жаловался на равнодушіе Д. П. Трощинскаго къ „мистикѣ“. Въ письмѣ Тр—аго къ М—су, 28 апрѣля, 1822 г., читаемъ: „Съ благодарностью получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя и они то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ предъувѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностью опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. (Сведенборга), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣну его твореній и показываютъ его или сумасшедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на счетъ сего прославленнаго сочиненія, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекутъ моего къ нимъ уваженія...“ Въ другомъ письмѣ (1 іюля 1822 г.) Тр—ій пишетъ М—су: „Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ее *Ангельскою премудростію*, и слѣдуя вашему мнѣнію, „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать“, не могу однакожъ не убѣждаться справедливостью того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной другой книгѣ подъ титуломъ *Божественная филозофія*. Сочинитель сея послѣдняя нащетъ Г. Св. изъясняется сими словами: „Жаль, что онъ часто божественную мистику св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина

знакомъ теперь съ прямымъ образомъ мыслей его, относительно такого рода твореній, ибо когда случайно зайдетъ рѣчь объ библейскихъ обществахъ или о казанскомъ журналѣ, отличающемся богословскими сочиненіями, то онъ часто говоритъ: „не люблю я господствующаго нынѣ духа“. На всѣ таковыя сочиненія онъ удѣляетъ самую малую часть времени и сейчасъ спѣшитъ къ свѣтскимъ сочиненіямъ, не говоря уже о застарѣлой наклонности ко всякимъ политическимъ изданіямъ и новостямъ. И такъ, не взирая на то, что онъ усердный сынъ церкви и притомъ ведетъ жизнь благодательную, не взирая на то, и въ самой даже уединенной жизни своей, не можетъ легко изглаживать впечатлѣній, укоренившихся въ немъ впродолженіе долголѣтняго служенія, начавшагося между богатыми міра и пол-вѣка продолжавшагося предъ лицомъ роскошнѣйшей царицы и двухъ великомощнѣйшихъ царей русскихъ, нельзя сказать, чтобы онъ преимущественно занимался *богомысленнымъ чтеніемъ или выборомъ сильныхъ мыслей*, по коимъ бы могъ размышлять и поступать, предпочитая всегда послѣднее первому; но онъ питаетъ духъ свой всякого рода чтеніемъ; въ семъ отношеніи онъ служитъ тому и другому господину. Нѣкогда удалось мнѣ переложить въ русскіе стихи оду Жанъ-Батиста Руссо, отрывки оной такъ говорятъ:

Счастливъ, кто въ жизни сей
Рубежъ наслѣдственныхъ полей
Спокойнымъ духомъ обтекаетъ,
Чье сердце вопль не ужасаетъ
Вдовицъ убогихъ, дѣтокъ ихъ,
Изгнанныхъ изъ жилищъ своихъ.

* * *

А ты, кѣмъ мила тишина
Въ предѣлахъ сихъ водворена,
Прійди, спокойствомъ насладись,
Заботъ докучныхъ удались,
Они здѣсь крововъ не гнѣздятъ,
Дыханьемъ воздухъ не густятъ...

не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову...“ Вѣроятно, на эти письма Тр—аго М—съ и жаловался Ломиковскому, говоря, что „вельможа изъяснился хладнокровно о извѣстныхъ твореніяхъ“. (Подлинники приведенныхъ писемъ Тр—аго наход. въ нашей б—кѣ).

Такъ стихотворцы издавна увѣряютъ, что посвятившіе себя сельской жизни могутъ обрѣсти прочное спокойствіе. Истинный христіанинъ, съ твердостью покоряясь промыслу, на всякомъ мѣстѣ найдетъ счастье въ сердцѣ своемъ; сельское же счастье, искуемое въ мірѣ, существуетъ только въ воображеніи стихотворцевъ, ибо нынѣ сельская жизнь нашего дворянства такъ отдѣлена отъ непорочной патріархальной жизни, какъ и лѣтосчисленіе отъ первыхъ періодовъ бытій до нынѣшнихъ временъ, самыхъ мятежныхъ.—Многолѣтніе опыты удостовѣрили меня, что безмятежное спокойствіе не весьма чаще заглядываетъ въ сельскую обитель, какъ и въ городскія палаты. Я посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ; любя умѣренность, колико можно удаляюсь отъ суеты, непрестанно ищу уединенія, и при всемъ томъ мирныя упражненія мои треволнуются день и ночь. Въ доказательство сего представляю здѣсь дневныя записки такого хлѣбопашца, котораго полагаютъ въ числѣ трудолюбовыхъ и котораго многіе сосѣди упрекаютъ нерѣдко за то, что рѣдко съ ними видится.

1822 года, мѣсяцъ октябрь.

8-ое число. Украли у меня рабочую лошадь; слѣдъ найденъ у городского жителя.

9. Мнѣ, обиженному, надлежало поѣхать къ городничему и просить удовлетворенія, убѣждая его въ справедливости дѣла моего. Я представилъ градоначальнику, что званіе его столь важно, что и въ самой литургіи церковь молится о немъ въ особенности; онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ это; однакожъ лошадь мою болѣе двухъ недѣль изнуряли въ городѣ, наконецъ возвратили ее, но не даромъ!

10. Я повезъ въ городъ подушную подать, за вторую половину сего года, за 91 душу ревизскихъ крестьянъ своихъ заплатилъ за полъ-года до 300 рублей! Кое-какъ еще помѣщики уплачиваютъ за крестьянъ своихъ подати; иного же званія крестьяне погрязли въ недоимкахъ.—Между тѣмъ казначей до-

казалъ мнѣ, что въ числѣ податей, одна бѣлая ассигнація есть фальшивая, вслѣдствіе чего пошли крайне непріятныя переписки, показанія и снятіе сказки по узаконенной формѣ.

11. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я позовъ [1]), дабы явиться въ повѣтовый судъ къ отвѣту на одинадцатое число октября мѣсяца; позовъ сей данъ на имя мое отъ пяти лицъ, за то именно, что я, соображая обоюдныя выгоды, промѣнялся съ сосѣдомъ своимъ одной полосой земли; не смотря на то, что обмѣнъ сей сдѣланъ былъ 13 лѣтъ тому назадъ и на законномъ основаніи, однакожъ самые неопытные сосѣди, наиболѣе изъ женскаго пола, наставлены были ябедниками, чтобы они, жалуясь на обидчика, приоравшаго у нихъ въ послѣдствіи собственную землю ихъ, ссылались бы и на меня; и хотя при этомъ дѣлѣ истцы просили у меня совѣтовъ для защиты ихъ и я всемѣрно защищалъ ихъ и успѣлъ въ томъ, но все негдѣ того дѣть, что я получилъ позовъ, съ омерзеніемъ занимался нѣсколько дней юридическою словесностью и статутовымъ вижжаніемъ (sic). Среди докучныхъ занятій сихъ, сей день вечеромъ, вельможный сосѣдъ мой (Трощинскій) послѣ стодневнаго отсутствія, прибылъ въ Кибинцы.

12. Вмѣстѣ съ женою пріѣхали мы въ Кибинцы поздравить семейство вельможи съ благополучнымъ пріѣздомъ. Женѣ были сдѣланы намеки за то, что я не встрѣтилъ вельможу вчерашняго вечера и что досточтимый сосѣдъ мой весь вечеръ провелъ въ скукѣ одинъ. Они не внимали тому, что я не былъ предваренъ о пріѣздѣ и отнюдь не хотѣли соображать, что я могъ встрѣтить, какъ и случилось, разныя заботы и ненавистныя сердцу моему занятія,—я же и виноватъ!

13. Присланъ ко мнѣ нарочный въ село Кибинцы съ письмомъ отъ старшаго сына друга моего Алексѣева; онъ прибылъ изъ полку въ отеческую обитель, а потому проситъ меня, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ для свиданія, убѣждая тѣмъ, что если я не воспользуюсь симъ случаемъ, то уже нескоро увидимся; сверхъ того, 14-е число октября мѣсяца есть день рожденія его

[1]) Повѣстку о вызовѣ.

матери. Докладывая вельможѣ о таковой необходимости, получилъ въ отвѣтъ: „вашъ отъѣздъ крѣпко разстроиваетъ меня, ибо мнѣ необходимо надобно будетъ поѣхать съ вами въ Хорольской уѣздъ, къ Маріѣ Михайловнѣ Родзянкиной, (родной теткѣ моей по мужу [1]). Я далъ слово возвратиться черезъ два дня. Того-жъ вечера выѣхалъ къ Алексѣеву; ѣдучи съ горы, опрокинулась моя коляска; кучеръ, слуга и господинъ, всѣ трое выкатились изъ экипажа, какъ головки капустныя, но безъ вреда.

14. Домашній праздникъ въ домѣ Алексѣева [2]); обѣдню служили соборомъ; пѣвчіе отличные.—Къ обѣду съѣхались сосѣди и знакомые изъ трехъ уѣздовъ, также военные изъ нѣсколькихъ полковъ и родные изъ нѣкоторыхъ губерній были здѣсь случайно; дамъ было до тридцати; пировали, пѣли и плясали; были игры, хоры и веселія. Хотя ястія и питія явились здѣсь изъ многихъ странъ заграничныхъ, тучныхъ, сладкихъ и ароматныхъ снѣдій предствалено было съ преизбыткомъ, однакожъ все сіе посѣтителями пріемлемо было за самое обыкновенное и какъ бы ничто; такъ-то нынѣ усилилась роскошь.

15. Воскресный день; мало кто былъ въ церкви; пированіе такое-же.

---

[1]) Рожденная Шрамченко, изъ м. Воронежа, глуховск. уѣзда.

[2]) Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ былъ потомокъ гетмана Апостола и жилъ гдѣ то въ Миргородщинѣ, въ одномъ изъ бывшихъ гетманскихъ имѣній. О немъ Ломиковскій, въ одномъ изъ писемъ къ Мартосу, разсказываетъ слѣдующее: „Д. Л. А(лексѣевъ) объѣхавъ западную Европу въ качествѣ путешественника, пріѣхалъ въ Спб. съ духомъ вольнодумства; здѣсь, во время прогулокъ, увидѣвъ во французской книжной лавкѣ случайно книгу *о небѣ и адѣ*, онъ внутренно смѣялся—какъ можно человѣку, будучи еще на землѣ, описывать адъ и небо? что можно знать, не бывши тамъ?.. Издѣвался съ однимъ пріятелемъ своимъ надъ заглавіемъ книги, рѣшился купить книгу сію единственно изъ любопытства, дабы посмѣяться надъ писателемъ; какъ, напротивъ того, встрѣтилъ тамъ такія высокія истины, которыя и на мысль не приходили ему. А какъ въ этой книгѣ авторъ ссылается часто на другія творенія свои, то и родилось у Алексѣева желаніе достать всѣ оныя книги и онъ выписалъ изъ Лондона на англійскомъ языкѣ всѣ творенія сего автора: тогда онъ столько примѣнился къ сему автору, что пожелалъ видѣть творенія сіи въ русскомъ переводѣ, а потому и сталъ нанимать переводчиковъ, которые и переслагали творенія сіи съ различныхъ языковъ: съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, а всего болѣе съ латинскаго языка“. (25 апр., 1823 г.).

16. Оставивъ множество гостей, выѣхалъ рано, чтобы поспѣть въ Кибинцы къ обѣду, и поспѣлъ. Алексѣевъ и жена его гнѣвались на меня крѣпко, что рѣдко бываю у нихъ; разсудительная дама уважила причины мои, хозяинъ же никакого оправданія не принималъ и не захотѣлъ проститься со мной. Гнѣвъ отъ любви, и притомъ крайне неосновательный и несправедливый гнѣвъ, не могъ поселить въ сердцѣ моемъ грустнаго впечатлѣнія. Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ никогда бы не поступилъ со мною такъ, какъ младшій братъ его, ибо первый въ бесѣдахъ привѣтливъ, мягкосердъ, слушая оправданія, и въ общежитіи снисходителенъ и всегда скроменъ, какъ красна дѣвица, воспитанная въ высокомъ теремѣ. Того-жъ дня, прибылъ я домой и привезъ женѣ кошницу съ лекарствами.

17. Давалъ женѣ лекарства по семи разъ въ день, а сверхъ того теплую ванну; она страдаетъ застарѣлымъ заваломъ въ селезенкѣ, который однакоже разбитъ болѣе половины.

18. Утромъ пріѣхалъ въ Кибинцы. Въ 12-мъ часу мы легко пообѣдали; по здѣшнему выраженію, легко пообѣдать значитъ—6 блюдъ на завтракѣ да 6 на обѣдѣ; и такимъ образомъ съ полутощимъ желудкомъ выѣхали мы за городъ Хоролъ, въ село Родзянки, къ Маріѣ Михайловнѣ Родзянкиной; третій сотоварищъ нашъ былъ престарѣлый Р. И. Симоновскій. На половинѣ дороги подставлены были лошади, и мы, проѣхавъ 50 верстъ, поспѣли въ село Родзянки при закатѣ солнца.

19, 20, 21. Всѣ сіи дни была дурная погода, не было возможности проѣздиться и разсматривать хозяйскія устройства; по сей причинѣ мы всякій день бостонировали. Оригиналъ Симоновскій и подобная ему француженка, живущая въ домѣ Маріи Михайловны, часто смѣшили насъ странными глаголаніями. Молодежи было довольно, и мы такъ свободно празднословили, что еслибъ незнакомый человѣкъ подслушалъ насъ въ другой комнатѣ, то подумалъ бы, что все общество наше состоитъ изъ самыхъ зефирныхъ блазней; но еслибъ онъ заглянулъ внимательно на собесѣдующихъ, то какъ бы онъ удивился, увидѣвъ тутъ маститаго мужа, министра, украшеннаго первоклассными знаками отличія и утѣшавшагося нашимъ суесловіемъ!

Извѣстно, что нашъ министръ до 2-го часу занятъ дѣломъ, а тамъ, чѣмъ веселѣе и свободнѣе бесѣда, тѣмъ пріятнѣе ему. Такого образа жизни и самъ издатель—*Способа къ долговременной жизни*, Гуфеландъ, не осудитъ.

22. Мы прибыли обратно въ Кибинцы на поздній обѣдъ. Вечеромъ бостонъ и хоръ пѣвчихъ. NB. Кратковременное путешествіе сіе принесло великую пользу народу, и вотъ какую: по случаю переѣзда нашего, я писалъ къ хорольскому исправнику, что на пути нашемъ находится глубокій ручей, на которомъ проѣзжіе крестьяне издревле ломаютъ возы свои или объѣзжаютъ за 4 версты, что во время грязной дороги очень тягостно народу; и такимъ образомъ некоснительно сдѣланъ мостокъ тамъ, гдѣ не бывало онаго отъ сотворенія міра. Министръ, служившій отечеству во благо народа болѣе 50 лѣтъ, весьма стоитъ того, чтобы въ преклонныхъ лѣтахъ его оказывали къ нему особливое уваженіе.

23, 24. Поспѣшилъ домой. Жена моя приготовляла приличные наряды къ празднику. Я же едва успѣлъ снять счетъ расходовъ и прибытковъ хозяйскихъ; прочиталъ новые журналы, газеты и тому подобное.

25. Рано пріѣхалъ я съ женой въ Кибинцы. Здѣсь получилъ я изъ рукъ А. В. Капниста два письма отъ васъ [1]) и драгоцѣнную рукопись вашу. Немедля прочиталъ оную бѣгло, но съ ненасытнымъ удовольствіемъ, потомъ читалъ съ размышленіемъ и новымъ удовольствіемъ перечитывалъ и усладился въ сытость. Сей день засталъ я гостей въ Кибинцахъ: Марѳу Михайловну, Родзянкину съ двумя старшими сыновьями, Анну Петровну Трохимовскую, Багрѣева съ женою; сей сказывалъ намъ, что старшій братъ его женился на дочери министра Сперанскаго, и въ прежнемъ качествѣ черниговскаго губернатора, возвратился съ женой и съ помпой во свояси. Сперанскій, на первый случай, подарилъ новобрачнымъ по 30.000 рублей ежегодно.

---

[1]) Т. е. отъ И. Р. Мартоса.

26. Тезоименитый день нашего эксъ-министра. Еще съ двадцать-третьяго числа посѣтители начали съѣзжаться, но сей день отъ всѣхъ сторонъ катились во дворъ экипажи. Въ церковь ѣхали парадомъ болѣе тридцати экипажей; почти во всякомъ дворѣ видны были пріѣзжіе экипажи. Литургія продолжалась три часа. Возвратясь изъ церкви, едва можно было дойти до гостинной, надлежало крѣпко тѣсниться между мундирами. Изъ числа посѣтителей были: генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, бригадный генералъ Ляховичъ; изъ Миргорода, Лубенъ и Лохвицы—полковые командиры, также множество было штабъ-офицеровъ, эполетовъ, эксельбантовъ и пуговицъ съ губернскими гербами. Былъ губернскій предводитель дворянства В. В. Капнистъ съ дочерью, племянницей, внукой и правнукой; былъ и архимандритъ полтавскій Іосифъ; были изъ трехъ уѣздовъ протопопы, священники и діаконы; духовныхъ особъ было вообще 19. Дамъ было немного болѣе, всѣхъ же вообще было болѣе 150 человѣкъ. Что сказать вамъ объ угощеніи?—никакъ нельзя сказать, чтобъ угощеніе было блистательное или расточительное; но оно было въ сытость пресыщенія, какъ водится нынѣ у зажиточныхъ хлѣбосоловъ. Могу сказать утвердительно, что гости, включительно съ прислугою, въ три дня столько проглотили хлѣба насущнаго, рыбъ, птицъ и звѣрей земныхъ, что еслибъ во время оно, припасы сіи находились въ ноевомъ ковчегѣ, то весьма довольно было бы для всего семейства патріарха сего на все время плаванія его поверхъ пучины. Слѣдовательно, нынѣ роскошь столько усилилась, что для пированія имянинъ вельможи потребно издержать съѣстныхъ припасовъ въ три дня столько, сколько во время плаванія Ноя потребно было для годового прокормленія всего рода человѣческаго, въ то время существовавшаго. Но этого мало еще; потребно, чтобы всѣ царства земныя принесли избытки свои для трапезы его, ибо нынѣ уже и пища не въ пищу, если не будетъ приправлена многими иноземными произведеніями, какъ то: перцемъ, имбиремъ, лимономъ, померанцевымъ цвѣтомъ, ванилью, миндалями, амброй, лавромъ, капорцемъ, коринками, изюмами, и проч., и проч. И этого мало! всѣ лѣса и сады міра нашего должны представить изящнѣйшіе плоды свои; до-

лины, горы и острова отдаленныя присылаютъ ему различныя вина свои, коихъ одни имена только [1]) едва припомнить можно! Мудрены нынѣ прихоти людскія. Чудное дѣло! всѣ приморскіе народы суетятся день и ночь, дабы сбыть избытки свои; и шестивершковый желудокъ не можетъ быть довольно сытымъ, если не утучнитъ утробы своей драгоцѣнными произведеніями земли и моря! Посмотрите на городского ремесленника, живущаго вседневными трудами: едва проснется онъ, и первымъ глодкомъ (sic) пожираетъ уже произведенія четырехъ странъ свѣта!—какъ то: кофе—изъ Африки, чай—изъ Азіи, сахаръ—изъ Америки, а булка и крендели свои, изъ Европы. Такъ-то нынѣ большая часть людей трудятся въ потѣ лица своего день и ночь для того, чтобъ не утучнять себя излишками; но соблюдая жизнь умѣренную, садясь и вставая отъ простой трапезы, трудами рукъ своихъ пріобрѣтенной среди зноя или среди нестерпимой стужи, благословляетъ Бога, насыщавшаго отца съ многочисленнымъ семействомъ его. Какъ напротивъ того, большая часть людей, утопавшихъ въ избыткахъ, нѣсколько часовъ сряду просыщается острыми и сладкими яствами, хоры и многолѣтіе громогласно раздается; встаютъ наконецъ нарядные сонмы, рдяныя лица ихъ играютъ веселіемъ—и никто не перекрестится! Кто посмѣетъ сказать, что земной шаръ истощился въ плодородіи своемъ? Господь сказалъ: „когда я одѣваю цвѣты земные, питаю птицъ несѣющихъ хлѣба, то ужели не прокормлю человѣка“?

27, 28. То-же угощеніе и тѣ самыя веселія.

Пиръ веселый пировали,
Въ карты, въ фанты тамъ играли;
Пѣли тамъ, а тамъ плясали;
Въ вечеръ шумный молодцы
Первенствуя, роль играли.
Тамъ не въ модѣ мудрецы,
Гдѣ дѣвицы веселятся
И гдѣ головы вертятся;
На старушекъ не глядятъ,—
Скромно въ уголку сидятъ,

[1]) Подъ видомъ славнаго заморскаго вина, мы часто съ ядомъ пьемъ лишь модны имена.—*Примѣч. Ломиковскаго.*

Юность съ горемъ вспоминаютъ,
Съ внучекъ взоровъ не спускаютъ.
Ужъ не видитъ дочь отца,
Все глядитъ на молодца:
Шепчетъ милому тихонько,
Милый руку жметъ легонько...
Суесловью нѣтъ конца.

29. Князь Репнинъ рано выѣхалъ въ Полтаву. Еще оставались въ Кибенцахъ нѣсколько семействъ пріѣзжихъ. Я выѣхалъ домой [1]).

30. Вотъ такъ-то мы въ деревняхъ убиваемъ время; на что такая жизнь похожа? Я тунеядничалъ, а крестьне мои тѣмъ временемъ поочереди, въ сіи три недѣли, занимались моими и своими собственными дѣлами; работы были слѣдующія, орали: починяли разныя строенья для домашняго скота; ушивали (соломяныя) кровли; молотили хлѣбъ, вѣяли, сушили и мололи; квасили капусту и свеклу; продолжали кирпичныя строенія; подковывали лошадей; рѣзали сѣчку для скота; приготовляли къ зимѣ санные экипажи и рабочія сани; жали камышъ; пилили строевой лѣсъ; ловили рыбу; рѣзали тучныхъ валаховъ и овецъ, изъ которыхъ дѣлали вообще слѣдующія всеполезныя употребленія: изъ кишокъ—струны для шаповаловъ и другихъ потребностей; изъ ножекъ—клей мерзляной; кровію поливаются съ успѣхомъ, въ подражаніе китайцамъ, плодоносныя деревья; мясо въ солонину, сало и кожи—на тулупы для людей. Каковы овцы?—Также дѣлали крахмалъ, разныя крупы; вывозили гуменной и скотской навозъ на конопляныя поля и огороды, сѣяли на зиму нѣкоторыя сѣмена садовыя и огородныя; курили горѣлку; дѣлали солодъ; обшивали людей дворовыхъ сапогами, шапками, тулупами, рукавицами и проч. и проч. полезныя и пріятныя занятія. И можно ли такія упражненія, столь близкія къ природѣ человѣка, столь безгрѣшныя дѣла, промѣнять на жизнь тунеядную, на деннонощное бдѣніе чувственности безъ мирнаго бдѣнія души? Посудите сами, на

[1]) Повидимому, этотъ самый именинный праздникъ описанъ и другимъ сосѣдомъ Трощинскаго. См. Русск. Стар. 1882 г., № 6, стр. 659 и слѣд. См. также Историч. Вѣсти. 1891 г., май, стр. 363, въ Воспоминаніяхъ Софьи Скалонъ.

что похожа жизнь такая? гдѣ мирная тишина въ душѣ, гдѣ спокойствіе въ сердцѣ? И можно ли не краснѣть отъ стыда, давая вечерній отчетъ съ разумомъ и съ совѣстію о употребленіи жизни своей? Гдѣ то хожденіе передъ лицомъ Бога, которое требуется отъ всякого христіанина? Пожалѣйте обо мнѣ, что я совершенно поневолѣ, но всегда съ глубокимъ сожалѣніемъ, убиваю драгоцѣнное время; разсѣянная жизнь сія тѣмъ нестерпимѣе для сердца моего, что у меня похищаетъ, грабитъ, изъ рукъ вырываетъ даже и тѣ золотые часы, которые бы желалъ я вседушно посвятить для сладостнаго собесѣдованія съ вами; не говоря уже о томъ, что закоснѣлость въ празднословіи изгоняетъ духовность, а грубую чувственность, унижающую человѣка, всемѣрно ласкаетъ. Увы! не усну и не почію въ мирѣ!

Теперь доложу вамъ, что получивъ, чрезъ А. В. Капниста, октябрскія письма ваши, положилъ въ мысляхъ своихъ, немедля и безъ всякой отсрочки, дать полный отвѣтъ на всѣ ваши отзывы; но какъ же удивился я, когда на досугѣ сообразилъ, что уже мѣсяцъ прошелъ, а вы и до сихъ поръ не имѣете отъ меня никакого отвѣта! Я самъ себѣ говорилъ: какимъ образомъ это случилось такъ? Вѣдь, кажется, я былъ дома пять дней сряду, хотя дни очень короткіе, при свѣчахъ же я и читать не могу, ибо не хочу баловать глаза очками; однако-жъ, за пять дней, можно бы приступить къ дѣлу; приступилъ, а далѣе не имѣлъ возможности продолжать писанія, ибо въ сіе время гостила у насъ мать жены моей и собственные мои родственники изъ Харьковской губерніи. Послѣ сего получилъ непріятное извѣстіе, что старшій братъ мой жестоко страдаетъ грудною водяною и поѣхалъ въ Полтаву лѣчиться къ славному Росташевскому. Чувство природы повлекло меня къ единоутробному и къ радостному удивленію моему, увидѣлъ брата довольно здороваго и внѣ опасности; онъ говорилъ мнѣ, что ему въ продолженіи 3 недѣль, 8 разъ пускали кровь піявочную и такимъ образомъ вылѣчили отъ водяной, произшедшей отъ закрывшихся гемороидъ. Такіе-то разные непредвидѣнные случаи отторгаютъ меня отъ самыхъ необходимыхъ мнѣ занятій. Представивъ вамъ съ возможной подробностью, всякаго рода помѣхи, которыя

отнюдь не чуждаются и сельскихъ жителей,—убѣдительно прошу васъ, когда и впередъ случится долгій періодъ молчанія моего, то это ни отъ чего другого происходитъ, какъ отъ невольной суеты, жестоко удручающей меня, и что я, какъ бы ни замедлилъ своимъ отзывомъ къ вамъ, но все стряхну съ себя и никогда не допущу себя до такой неключимости, чтобъ при первомъ досугѣ не постарался наградить горестной потери таковой"... (*Письмо помѣчено*: Паркъ Трудолюбъ. Ноября 30, 1822 г.).